

Новикова О. В.

Белорусский государственный университет

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ФОРМА ЕГО СОЦИАЛИЗАЦИИ

Наметившийся в конце XX – начале XXI столетий цивилизационный поворот выражается, с одной стороны, в новом качестве социально-культурной коммуникации между цивилизационными регионами Запада и Востока, с другой – в тенденции глобализации мирового сообщества на пути перехода к единой постиндустриальной цивилизации. В этих условиях одной из актуальных проблем, стоящих перед цивилизацией Запада, является проблема ассимиляции мигрантов из стран Азии и Африки, диалога с ними как представителями иных культурных ценностно-нормативных систем и, в этой связи, проблема сохранения цивилизационно-культурной идентичности западного мира.

История знает множество разнообразных форм социально-культурной идентификации. Так, в традиционном обществе Востока была распространена идентификация человека с родом, племенем, землячеством, наконец, с семьей. Китай, например, согласно Конфуцию, и есть «большая семья». Тем самым, для Китая как классического представителя цивилизации Востока актуален вопрос о сохранении идентичности в процессе модернизации. Действие механизма сохранения коллективной идентичности, существовавшего на протяжении многих столетий в Китае, отражено в концепции «пяти зон» [1, с. 314].

В соответствии с ней Китай был разделен на пять концентрических зон. «Центральная зона» являлась императорским владением и находилась под его прямым правлением. Это владение было окружено другими китайскими государствами, созданными правителем и известными как «княжеская зона». Третью «усмиренную зону» составляли те китайские государства, которые когда-то были покорены властвующей династией, но затем стали лояльными по отношению к центру. Две последние зоны отводились «варварам», различаясь степенью усвоения ими образа жизни метрополии и административного подчинения ей. При этом пятая зона включала в себя «варваров», образ жизни которых существенно отличался от китайского.

В этой концепции интересны две особенности. Во-первых, иерархический характер взаимоотношения зон, в которых по мере удаления от центра снижается воздействие официальной нормативной регуляции на образ жизни китайцев, тем более, «варваров». Во-вторых, обратное влияние ценностей мира «варваров» на метрополию.

Показательно, что китайцы не чурались заимствования достижений чужой культуры, но делали это очень осторожно. Культурные ценности «варваров» в процессе их адаптации китайцами проходили ассимиляцию в каждой из пяти зон «снизу вверх», прежде чем доходили до метрополии. При этом последовательно происходила модификация этой культурной ценности с учетом китайского менталитета таким образом, что в итоге дошедшая до центральной зоны инокультурная ценность воспринималась уже как собственно китайская. Очевидно, что этот процесс развития культурного наследия способствовал сохранению национально-культурной и цивилизационной идентичности китайцев.

В целом, в традиционных обществах Востока, сохранявших дух толерантности, веротерпимости и верности моральным нормам, культивирование коллективной идентичности не вызывало особых проблем. Современный же восточный человек под влиянием материально благополучной цивилизации Запада испытывает искушение радикальной смены ценностных приоритетов. Но она означала бы утерю им идентичности – утерю «лица», а значит – жизненную дезориентацию.

С иными проблемами пришлось столкнуться цивилизации Запада. В Новое время человек западноевропейской цивилизации идентифицировал себя в качестве представителя белой расы, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание цивилизационных общностей с характерными для них образом жизни и культурой происходило двумя основными путями.

Первый путь – «плавильного тигля» – характерен для принимающих стран, в генезисе которых решающее значение имела массовая иммиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», которая привела к образованию новых наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Этот процесс мог включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения, но в целом проходил мирным эволюционным путем. В итоге, хотя в социально-культурном пространстве этих стран существуют сегменты, представляющие культурное своеобразие различных этнических диаспор – афроамериканской, латиноамериканской, итальянской и т.д., – определяющее значение имеет единая система ценностей. Поскольку в основе формировавшейся культуры и образа жизни новых народов лежали либерально-демократические и христианские ценности переселенцев из Западной Европы, они закрепились в качестве цивилизационных оснований этих общностей как политических наций.

Второй путь социально-культурной интеграции – «томатного супа» – характерен для западноевропейских государств. Эта модель фиксирует возникновение в индустриальном обществе интегрированной социальной общности на основе доминирования титульного этноса (немецкого, французского, испанского) и его политических и культурных традиций. Ценности титульного этноса являются базовыми и определяют жизнь национального государства, а ценности других проживающих в нем этнических групп выполняют функцию «приправы», дополняющей вкусовыми нюансами возникший продукт интеграции.

Глобализация способствовала интенсификации социальной мобильности, породившей серьезную проблему, суть которой заключается в сложности социально-культурного диалога между проживающими на территории государств общностями, представляющих разные типы цивилизаций. Заметно усилившийся в 60–70 гг. XX в. приток в Западную Европу мигрантов из развивающихся стран первоначально расценивался как позитивное явление, продиктованное потребностью в рабочей силе. Не вызывал тревоги и факт равноправного существования в одной стране разнообразных этнических групп со своеобразными культурными и религиозными ценностями, поскольку предполагалось, что впитав ценности автохтонной нации, они естественным путем вольются в нее, добавив, согласно привычной модели, еще одну «специю», не более. Именно такой сценарий социально-культурной интеграции был положен в основу возникшей в конце 60-х годов концепции мультикультурализма.

Однако развитие событий привело к иным результатам. В Германии, Франции, Великобритании сформировались мощные этнические диаспоры, которые, вопреки ожиданиям, не растворились в либерально-демократическом государстве с его христианскими корнями, а составили параллельный мир. Он пользуется гарантированными государством социально-экономическими и политическими правами, но для него характерно неприятие ценностей и традиций титульного этноса. Наоборот, ему свойственно воспроизводство идентичности религиозной и национально-культурной диаспоры.

В результате вместо интеграции и диалога культур в современном европейском обществе наблюдается их конкуренция, а в последние годы и конфронтация. Неслучайно эта модель социокультурной интеграции получила название «слоеного пирога», каждый слой которого автономен и отличен от других.

Особую остроту проблеме сохранения национально-культурной идентичности придают, с одной стороны, низкий уровень рождаемости, старение коренного населения западного общества и его превращение в

потребительское общество, с другой – высокий уровень рождаемости в семьях мигрантов из Азии и Африки, их консолидация на почве религиозного фундаментализма. Это ведет к тому, что проблема сохранения культурной идентичности человека Запада трансформируется в проблему выживания коренных европейцев как представителей цивилизации.

Таким образом, в современном обществе существует реальная проблема сохранения цивилизационно-культурной идентичности, от решения которой зависят как характер и результаты диалога культур в глобализирующемся мире, так и возможности социализации человека.

Литература

1. Эймс, Р. Т. Индивид как «фокус-поле в классическом конфуцианстве» / Р. Т. Эймс // Это человек: Антология. – М.:, 1995.